

УДК 1:13:130.2

Метаморфозы культурной идентичности и ее кризиса в обыденном, предельном и запредельном бытии человека

А. Д. Смирнова, аспирант*

В статье исследуется степень научной разработанности проблемы кризиса культурной идентичности в метаантропологии и предлагается авторская модель метаантропологического измерения феномена культурной идентичности в виде триады. В ходе исследования представляется новое осмысление понятия идентичности через феноменологический концепт intersубъективности и концепт самости. В статье также анализируется осмысление данных понятий представителями европейской философии. Предлагаемая автором триадическая модель не только расширяет философско-антропологический аспект понимания проблемы кризиса культурной идентичности, но и помогает раскрыть продуктивные пути его разрешения. Результаты исследования, представленные в статье, раскрывают новые горизонты осмысления антропологического кризиса как проблемы бытия человека в современном мире.

Ключевые слова: идентичность, культурная идентичность, кризис культурной идентичности, самость, intersубъективность.

Metamorphosis of Cultural Identity and Its Crisis in Ordinary, Limited and Underlimited Human Being

O. D. Smirnova, Postgraduate Student

The article investigates the degree of scientific problem elaboration of cultural identity crisis in meta-anthropology and offers the author's model of meta-anthropological measuring of the identity phenomenon at the triadic model. This research presents a new interpretation of the concept of identity through the phenomenological concept of intersubjectivity and the self-concept. The article also presents analyze of understanding this concepts which are comprehended by representatives of European philosophy. The triadic model which is offered by author not only expands the philosophical and anthropological aspect of the understanding of the crisis of cultural identity, but also helps to reveal productive way of its overcoming. Results of the research which are presented in the article, reveals a new horizons of comprehension of anthropological crisis as a problem of human existence in the modern world.

Keywords: identity, cultural identity, crisis of cultural identity, self-concept, intersubjectivity.

Исходя из того, что одной из наиболее обсуждаемых тем в современной философии является проблема антропологического кризиса, можем утверждать, что раскрытие продуктивных путей преодоления кризиса культурной идентичности дает возможность разрешить проблему существования человека в современном мире. Поскольку антропологический кризис большинством авторов позиционируется как кризис культуры, обусловленный радикальным разрывом с традициями, в данной статье представляется, на наш взгляд, наиболее плодотворным метаантропологический подход к изучению проблемы.

Метаантропология является идеей и практикой открыто-толерантной коммуникации с собой и Другим [12, с. 7] и позволяет определить три из-

мерения феномена культурной идентичности. Суть метаантропологического учения заключается в том, что, «являясь теорией обыденного, предельного и запредельного бытия человека, оно интегрирует подходы философской антропологии, экзистенциализма и персонализма» [8, с. 208]. Иными словами, данное учение является одной из тенденций развития философской антропологии.

Проводя параллель между тремя измерениями бытия человека и «тезисом — антитезисом — синтезом» Г. В. Ф. Гегеля, автор метаантропологического учения Н. Хамитов отмечает отсутствие замкнутой монологичности метаантропологического подхода, что свидетельствует о том, что метаантропология как философия обыденного, предельного и запредельного бытия человека лучше

* Аспирант кафедры философской антропологии Института философского образования и науки Национального педагогического университета им. Драгоманова (Киев). Научный руководитель — доктор философских наук, профессор Н. В. Хамитов, профессор кафедры философской антропологии Института философского образования и науки.

всего раскрывает специфику становления личности в поликультурной среде.

Целью исследования является осмысление феномена идентичности в координатах метаантропологии и актуализация конструктивных путей разрешения проблемы кризиса культурной идентичности.

Формирование каждого из трех измерений идентичности на соответствующих уровнях человеческого бытия в культуре детально раскрывает процесс возникновения и разрешения кризиса культурной идентичности как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Для того чтобы осознать этот процесс и понять, чем именно являются метаморфозы культурной идентичности в проекте метаантропологии, необходимо обратить внимание на определение понятия «культура», которое дает сам автор данного учения: «Культура — это взаимопроникающие процессы познания и творчества и результаты этих процессов в виде произведений-объектов: теорий, призывов искусства и т. д. В координатах метаантропологии и в восприятии, и в создании культуры является результатом предельного напряжения человека, предельного бытия человека» [8, с. 183–185]. Можно предположить, что понятие «культура» в координатах метаантропологии осмысливается как результат отчуждения человека от обыденности через переживание кризиса культурной идентичности, которое возникает в предельном измерении человеческого бытия. Следует отметить, что хотя процесс формирования культурной идентичности происходит на уровне предельного бытия человека, обыденное и запредельное измерения также включают в себя определенные формы культурной идентичности.

Для того, чтобы понять, каким образом происходит становление культурной идентичности в каждом метаантропологическом измерении человеческого бытия, необходимо обратиться к характеристике процесса формирования идентичности в координатах метаантропологии. Так, в обыденном измерении бытия человека Н. Хамитов характеризует данный процесс следующим образом: «В обыденном бытии человека идентичность — это единение с общностью, порожденной преимущественно кровно-родственными связями» [8, с. 132]. Очевидно, что имеется в виду общность, которую Н. Бердяев определяет как родовое, историческое, традиционное, социальное, классовое, семейное, наследственное, что наследуется, то, что является «общим» [8, с. 14]. Идентичность в такой общности является проявлением обыденного измерения бытия человека, в котором общность коррелирует с понятием интерсубъективно-

сти К. Гуссерля. Находясь в многообразии чужого мира, среди множества идентичностей, предлагаемых человеку обыденного бытия, угасает стремление выйти за рамки общего жизненного мира и возникает желание постоянно оставаться в пределах обыденной интесубъективности, не развиваясь как личность.

Понятие «обыденное бытие» раскрывают в своей философии Н. Бердяев и М. Хайдеггер. В экзистенциальной философии М. Хайдеггера обыденность определяется в качестве неотъемлемой части бытия человека в культуре: «Повседневная, напротив, является бытийным модусом присутствия и тогда и только тогда, когда присутствие движется в высокоразвитой и дифференцированной культуре» [11, с. 68]. В отличие от персонализма Н. Бердяева, в котором философ отмечает собственное стремление к отчуждению от обыденности: «Когда проснулось мое сознание, я осознал глубокое отталкивание от обыденности. Но жизнь мира, жизнь человека в значительной степени — это обыденность, то, что Хайдеггер называет *das Man*» [4, с. 42]. Обыденное бытие является ключевым понятием в метаантропологии и означает: «Измерение человеческого бытия представляет собой результат воли к самосохранению и воли к продолжению рода» [8, с. 68]. Можно сказать, что на уровне обыденного бытия идентичность не выходит за рамки обыденной интерсубъективности, она базируется только на принципах общности между людьми, которая обусловлена инстинктами к самосохранению и продолжению человеческого рода. Именно поэтому в обыденном измерении бытия формируется уровень идентичности, который можно определить как *индивидуальный*.

Индивидуальный уровень культурной идентичности — это степень осознания человеком себя в качестве социально-биологической единицы. Преимущество межчеловеческих отношений на данном уровне отдается кровно-родственным, семейным связям. В метаантропологии — это родовое и цивилизационное бытие человека [13, с. 68]. Индивидуальное измерение культурной идентичности базируется на социальной роли человека в обществе, той роли, которая навязывается самим обществом и не является сознательным выбором самого индивида. Это тот уровень культурной идентичности, на котором человек способен сохранить комфортные условия для собственного самосохранения и продолжения своего рода. Находясь в состоянии такого «комфорта», человек не способен переживать кризис и самостоятельно производить собственную культурную идентичность. Конституирование жизненного мира такого человека происходит на уровне обыденной интерсубъек-

тивности и не является его собственным, не соответствует подлинности его внутреннего образа, в отличие от предельного измерения бытия, где в человеке начинает просыпаться стремление к реализации себя как личности.

В предельном измерении человеческого бытия происходит собственно становление культурной идентичности через переживание ее кризиса. В состоянии предельного напряжения человек попадает через переживания экзистенциалов ужаса, отчаяния, любви, сострадания и т. д. Понятие «экзистенциал» вводится М. Хайдеггером и раскрывается как «бытие-в» или «бытие одного-в-другом»: «Бытие-в» подразумевает, напротив, бытийственное устройство присутствия и является экзистенциалом... Бытие-в тем не менее означает пространственное бытие «друг-в-друге» наличных вещей... Бытие-в есть, соответственно, формальное экзистенциальное выражение бытия присутствия, имеющего сущностное устройство бытия-в-мире» [11, с. 72].

В метаантропологии экзистенциал определяется как: «ситуация человеческого бытия, преимущественно связанная с его предельными и трагическими проявлениями и порождающая глубинное изменение стратегий и смыслов существования» [8, с. 425]. А сам процесс формирования идентичности в предельном измерении бытия человека характеризуется Н. Хамитовым так: «В предельном бытии человека идентичность есть единение с подлинностью своего личностного своеобразия, а также с общностью, связанной интересами и ценностями» [8, с. 132—133]. Анализируя данное определение, приходим к выводу, что в предельном измерении бытия человека идентичность покидает рамки обыденной intersубъективности через экзистенциалы страха, отчаяния, сострадания, любви и т. д. и переходит в предельную intersубъективность, формируя личностный уровень культурной идентичности.

Личностный уровень культурной идентичности — это степень осознания человеком себя не только объектом социальных отношений, но и самостоятельным творческим субъектом, способным к самоконституированию и самореализации в обществе. Личностная культурная идентичность выражает способность человека самостоятельно формировать свою идентичность, предполагая, однако, и угрозу навязывания собственной идентичности другим личностям с последствиями деформации последней.

Можно сказать, что процесс формирования культурной идентичности личности в предельном измерении человеческого бытия коррелирует с феноменом переживания трагедии, описанным Ари-

стотелем в работе «Поэтика». Философ осмысливает механизм самоидентификации личности, узнавания человеком себя в Другом, называя это анагноризисом, указывая на то, что «лучшие узнавания те, что соединены с перипетиями» [1, с. 1080], где перипетия — это изменение того, что происходит на противоположное [1, с. 1079]. Переживания трагедии через перипетии и анагноризис необходимы человеку для того, чтобы вызвать у него страх или сострадание, как чувство общечеловеческого соучастия [1, с. 1082], конечной целью трагедии является катарсис: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному ... и оказывается посредством сострадания и страха очищением (κάθαρσις) подобных страстей» [2, с. 651]. Употребляя понятие «катарсис», Аристотель указывает на необходимость очистки человека от страстей, чтобы перейти на новый уровень бытия. Именно в этом смысле понятие «катарсис» определяется в метаантропологии: «Катарсис — сложная трансформация внутреннего мира человека, которая возникает вследствие переживания трагических коллизий и возможности их разрешения, выходя на новый уровень бытия» [8, с. 163].

Изменение идентичности через переживание человеком кризиса происходит вследствие перипетий и сопровождается анагноризисом, т. е. узнаванием человеком себя в Другом в результате катарсиса. Процесс узнавания себя в Другом в метаантропологической традиции является неотъемлемой частью запредельного измерения бытия человека, поскольку Другой определяется как «фундаментальный концепт философской антропологии, этики и эстетики, что означает необходимость выхода за собственные пределы в процессе построения жизненных стратегий и коммуникаций» [8, с. 112]. Итак, необходимо осознание того, что в запредельном измерении бытия человек способен приобретать подлинность собственного образа благодаря самостоятельному продуцированию культурной идентичности.

Для осознания выше сказанного необходимо обратиться к понятию «запредельное бытие», которое коррелирует с понятием «трансценденция», а в метаантропологии трактуется как синтез его определений в философии персонализма Н. Бердяева и экзистенциальной философии К. Ясперса: «Трансценденция — реальность, которая выходит за пределы человека и его мира, но дается ему в переживаниях и устремлении» [8, с. 362]. В традиции экзистенциализма понятие «трансценденция» осознается К. Ясперсом, как и Н. Бердяевым, в качестве свободы становления человека как личности: «В качестве экзистенции я существую, зная, что подарен себе трансценденцией.

Я не существую благодаря самому себе в моем решении, но бытие-с помощью-меня, подаренное мне в моей свободе» [15, с. 26]. Трансценденция для К. Ясперса возможна только тогда, когда мир отмечает присутствие определенных границ в себе, тем самым указывая на возможность их преодоления: «Бытие, постигающее нас, называется миром и трансценденцией. Трансценденция есть только тогда, когда мир состоит не из себя, не основан на самом себе, а указывает за свои пределы. Если мир все, то трансценденции нет» [15, с. 23].

Дополняя мысли К. Ясперса в понимании трансценденции как основного условия свободы человека и реализации его как личности, Н. Бердяев указывает на необходимость преодоления трагических противоречий: «Трансцендирование в экзистенциальном смысле есть свобода и предусматривает свободу, которая есть освобождение человека от плена самого себя. Но свобода здесь не легкость, а тяжесть, она проходит через трагическое противоречие» [3, с. 18]. Анализируя данное высказывание, приходим к выводу, что акт преодоления человеком трагических противоречий коррелирует с процессом переживания кризиса идентичности, ведь от того, насколько человек способен конструктивно разрешать данную проблему зависит его реализация как личности.

Понятие «трансценденция» соотносится с авторским понятием Н. Хамитова «антропотрансценденция», что является: «выражением специфики запредельного бытия человека, актуализации личности и коммуникации личностей в единстве любви и свободы» [8, с. 43]. Единение людей как личностей в свободе и любви создает акт сотворчества идентичностей и выводит человека на металичный уровень культурной идентичности.

Металичный уровень культурной идентичности — это способность самостоятельно продуцировать идентичность и свободно взаимодействовать с другими формами идентичности — гендерной, национальной, культурной, этнической и т. д., не деформируя, а дополняя их. Металичный уровень идентичности проявляется в единстве людей и сотворчестве идентичности каждой отдельной личности.

Металичное измерение культурной идентичности — это выход за пределы общности как intersубъективности обыденного и предельного измерений бытия человека и трансформация в запредельную intersубъективность, т. е. общность, которую М. Бубер определяет как: «Общность же, становящаяся общность (до сих пор нам известна лишь такая), есть не пребывание друг подле друга множества людей, а их бытие друг у друга; если даже они все вместе идут к одной цели, они по-

всюду ощущают движение друг к другу, динамическую направленность друг к другу, волны, идущие от Я к Ты» [5, с. 118—119]. Проблему достижения такой общности М. Бубер видит в том, что человек стремится убежать от собственной самости: «Одержимость коллективностью данного времени — это бегство личности от попытки испробовать общность, посвятить себя общности, бегство от ищущей выражения самости жизненной диалогичности в сердце мира» [5, с. 119]. Проблема бегства от самости достаточно широко рассматривается многими европейскими философами, и хотя понятие самости в философии определяется по-разному, все же есть точки пересечения различных традиций.

На данном этапе исследования считаю нужным использовать понятие «самость», которое, по моему мнению, имеет эвристическую ценность для конструктивного разрешения проблемы кризиса культурной идентичности. Исходя из того, что этимологический анализ понятия идентичности П. Рикера указывает на необходимость понимания его в качестве взаимодействия двух противоположностей «idem» и «ipse» — самотождественного и самость как Другой [6, с. 233]. Осмысливая идентичность посредством концепта самости, можем допустить, что определением понятия «самость» является аутентичный образ личности. Процесс воспроизведения аутентичного, неповторимого образа человека является актуализацией его личности и процессом его персонализации, который характеризуется в метаантропологии так: «персонализация является процессом становления подлинности — единства сущего и существования» [8, с. 269]. Следовательно, человек трансцендирует только при условии постижения собственной самости, при воспроизведении аутентичности собственного образа. Можно сказать, что процесс конструктивного разрешения кризиса идентичности является становлением человека как личности через воссоздание аутентичности его образа.

В толковом словаре В. Даля понятие «самость» определяется как «самость — личность, одноличность, самостоятельность, истость, стойкость» [7, с. 132]. Можно сказать, что самость понимается В. Далем как подлинность личности, ее аутентичность. Аутентичность личности как утверждение ее подлинности в многообразии инаковости мира, именно так Хайдеггер определяет данный термин, пытаясь ответить на вопрос, что является сущим: «Присутствие является сущим, которое есть всегда я сам, бытие всегда мое. ...Всякий раз одно Я это сущее, а не другие. Ответ на то, кто идет из самого Я, «субъекта», «самости» [11,

с. 136]. Самость в понимании М. Хайдеггера — это свойство субъекта оставаться тождественным через изменение переживаний и положений, соотнося себя с многообразием мира.

К. Юнг относит феномен «самости» к сфере психического и вкладывает в него достаточно широкое значение. Но следует отметить, что именно в юнгианской традиции самость определяется как образ: «самость является образом Бога; по крайней мере, она не отличается от него» [14, с. 36]. Поддержание идентичности он относит к сфере Эго: «то есть Эго, — насколько мы можем судить, индивидуальное, уникальное и способно в определенной степени поддерживать свою идентичность» [14, с. 16], а феномен кризиса идентичности определяется К. Юнгом как ассимиляция Эго самостью: «И в точности как обстоятельства или внешние события «случаются» с нами, ограничивая нашу свободу, так и самость воздействует на Эго как на нечто *объективно происходящее* и весьма слабо поддающееся изменениям со стороны свободной воли...хорошо известно, что Эго не только не может ничего поделаться против самости, но даже иногда как будто бы ассимилируется бессознательными компонентами личности, пребывающими в процессе развития, и сильно искажается ими» [14, с. 16].

Осмысление понятия «самость» в психоаналитической традиции дополняется Э. Фроммом, который подчеркивает стремление человека постичь свою самость ради становления себя как личности: «Мне нужно быть самим собой, аутентичным своей самости, чтобы можно было выйти из себя, чтобы превзойти иллюзию реальности этой уникальной самости. Пока я не установил свою собственную идентичность, пока я полностью не вышел из утробы, из семьи, связей с родом и нацией, т. е. пока я не стал личностью, свободным человеком, я не смогу отбросить индивидуальный опыт и таким образом испытать ощущение, что я всего лишь капля воды в морской пене, отдельная целостность на долю секунды» [9, с. 125]. В своих размышлениях Э. Фромм приближается к метаантропологическому осмыслению человека, ведь философ обращает особое внимание на необходимость выхода за рамки обыденного бытия и становления человека как личности, что выводит его на металичный уровень культурной идентичности.

При таких условиях феномен кризиса идентичности становится экзистенциальной потребностью личности, которая удовлетворяется через переживание экзистенциального конфликта, характеризующегося Э. Фроммом следующим образом: «Каждый человек вынужден преодолевать

свой страх, свою изолированность в мире, свою беспомощность и заброшенность и искать новые формы связи с миром, в котором он хочет найти безопасность и спокойствие. Я определяю эти психические потребности как «экзистенциальные потребности», так как их причины кроются в условиях человеческого существования» [10, с. 188]. Соглашаясь с мнением Э. Фромма, можем сказать, что переживание кризиса идентичности как экзистенциальной потребности имеет единую для человека цель — достичь целостности как личности через единение с самим собой, т. е. своей самостью, а также, добавляет Э. Фромм, с природой и соотечественниками, что является основной целью всех религий мира [10, с. 200]. Однако на пути к собственной самости через переживания кризиса идентичности человек может терять свою личность: «Спасаясь от экзистенциальной раздвоенности, человек идентифицирует себя со своей социальной организацией и забывает о том, что он личность» [10, с. 200].

Осмысление проблемы потери человеком собственного «Я» как потери своей личности в многообразии идентичностей, продолжает в своих размышлениях М. Бубер, определяя самость как единство личности в многообразии мира: «Для чувства человека единство собственной самости неотделимо от единства вообще» [5, с. 113]. Достижение такого единства через самость М. Бубер видит в диалоге: «Однако пережитое единство известно и живущему в диалоге. Это именно единство жизни, однажды воистину обретенное, которое никакими изменениями не может быть разорвано» [5, с. 113]. В условиях отсутствия диалога человек избегает выражения собственной самости и не способен конструктивно преодолевать кризис культурной идентичности, что приводит к потере собственного «Я», как отмечает М. Бубер: «Без Ты, но и без Я маршируют связанные друг с другом люди — слева те, кто хочет устранить память, справа те, кто хочет ее регулировать, — в разделенных враждой толпах, продвигаясь вместе к бездне» [5, с. 119]. Данное высказывание М. Бубера наилучшим образом передает ситуацию переживания кризиса культурной идентичности.

Анализируя определение понятия «самость» в разных традициях европейской философии, можем дать такое его интегральное определение: самость — это самобытность, подлинность, неповторимость, аутентичность и целостность внутреннего образа личности. Данное определение концепта самости актуализирует конструктивность преодоления кризиса культурной идентичности, поскольку выражает стремление человека к воссозданию самобытности собственной куль-

туры, которая по необходимости отвечала бы подлинному образу его личности. Только внутренне целостная личность, постигающая свою самость, способна продуцировать собственную культурную идентичность, творя собственную культуру, воспроизводя аутентичность своего образа. В метаантропологическом смысле самость постигается в запредельном измерении человеческого бытия и определяется как процесс персонализации человека.

Представленная в статье модель индивидуального, личностного и металичностного уровня культурной идентичности является продолжением учения о трех метаантропологических измерениях бытия человека. Преимущества предлагаемой триады заключается в представлении феномена культурной идентичности в качестве определенного коммуникативного пространства, что дает возможность понять, каким образом соотносятся различные проекты культурной идентичности в современном обществе. Таким образом актуализируется конструктивное разрешение проблемы кризиса культурной идентичности, представляющееся в диалоге. Перспективы диалогического разрешения данной проблемы подробно раскрываются в метаантропологических концептах «запредельного бытия» и «антропо-трансценденции», которые выражают процесс единения человека в свободе и сотворчестве идентичностей.

В рамках метаантропологической традиции можем определить кризис культурной идентичности как процесс преодоления личностью в себе того, что Н. Бердяев определяет как родовое, историческое, традиционное, социальное, классовое, семейное, наследственное, что наследуется, то, что является «общим» [3, с. 14]. Обыденность, основанная на кровно-родственных связях и родовой общности, должна стать материалом для творческой активности личности, как отмечает философ [3, с. 14]. Иными словами, кризис культурной идентичности — это экзистенциальная потребность человека, которую можно еще определить как кризис интерсубъективности. Разрешение кризиса культурной идентичности как экзистен-

циальной потребности достигается через устремления человека к воссозданию подлинности собственного образа, что осмысливается в данной статье через концепт самости.

Список цитированных источников

1. *Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. — Минск, 1998. — С. 1064—1112.
2. *Аристотель*. Сочинения: в 4-х т. / Аристотель. — М., 1983. — Т. 4: Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика.
3. *Бердяев, Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики / Н. А. Бердяев. — Париж, 1939.
4. Бердяев, Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М., 1990.
5. *Бубер, М.* Два образа веры / М. Бубер. — М., 1995.
6. *Смірнова, О. Д.* Історико-філософський аналіз понять «ідентичність» та «культурна ідентичність» в європейській філософії / О. Д. Смірнова // Гілея: наук. вісн.: зб. наук. пр. — Київ., 2014. — Вип. 87 (8). — С. 232—236.
7. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В. Даль. — М., 1980. — Т. 4: Р-У.
8. *Философская антропология: слов.* / под ред. д-ра филос. наук, проф. Н. Хамитова. — Киев, 2011.
9. *Фромм, Э.* Из плена иллюзий (Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом) / Э. Фромм // Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплекс исследований»: [пер.] / [предисл. Т. Н. Панфиловой]; АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межведомств. центр наук о человеке (при президенте АН СССР). — М., 1991.
10. *Фромм, Э.* Гуманистический психоанализ / Э. Фромм. — СПб., 2001.
11. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. — Харьков, 2003.
12. *Хамітов, Н. В.* Філософська антропология як метаантропология: історія та сучасність / Н. В. Хамітов // Філософсько-антропологічні студії 2012 «Творча спадщина В.І. Шинкарука та сьогодні» (До 80-ліття від дня народження). Ч. 2. — Київ., 2012. — 4—25 с.
13. *Хамитов, Н.* Философия. Человек. Бытие. Мир.: курс лекций / Н. Хамитов. — Киев, 2006.
14. *Юнг, К. Г.* АІОН. Исследование феноменологии самости / К. Г. Юнг. — М., 1997.
15. *Ясперс, К.* Философская вера / К. Ясперс. — М., 1992.

Дата поступления в редакцию: 15.08.2015 г.